

References

1. *Vodopianova N.A.* Advertising as an Instrument of Manipulation over Consciousness // Success of Modern Natural Science/ editor-in-chief M.Y. Ledvanov. Issue 10. Penza, 2007.
2. *Dotsenko E.L.* Psychology of Manipulation: Phenomena, Mechanisms and Protection: monograph. Moscow, 1997.
3. *Zirka V.V.* Advertising copy: Preference to the Manipulative Vocabulary // Culture of the Simferopol, 2006. Peoples of the Black Sea Littoral // editor-in-chief Y.A. Katunin. Issue 82. Vol. 1. Simferopol, 2006.
4. *Laguta N.V., Mashkina A.S.* Techniques of Manipulative Influence in a Modern Advertising Copy: based on the material of banner and street advertising of Blagoveshchensk // Newspaper of Amur State University. Edition: Humanities/editor-in-chief A.D. Plutenko. Issue 66. Blagoveshchensk, 2014.
5. *Popova E.S.* Advertising copy and the Problems of Manipulation: abstract of scientific paper ... Candidate of Philological Sciences. Ekaterinburg, 2005.

УДК 821.352.3.09 “1917/1991”

М. Д. БЛИПАШАОВА

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРАВНЕНИЯ В ЯЗЫКЕ
ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Т. КЕРАШЕВА**

Статья посвящена исследованию изобразительно-выразительных средств языка в произведениях основоположника адыгейской прозы Тембота Керашева. Рассматривается структура и типология сравнений в исследуемых текстах. В статье делаются выводы о специфике сравнений в исторических художественных текстах Т. Керашева.

Ключевые слова: проза Т. Керашева, изобразительно-выразительные средства языка, типы сравнений.

UDK 821.352.3.09 “1917/1991”

M. D. BLIPASHAOVA

THE USE OF COMPARISON IN HISTORICAL NOVELS BY T. KERASHEV

The article is devoted to the figural and significant means of the language in works by Tembot Kerashev's creation of Adyghe prose. The structure and typology of comparisons in the studied texts is considered. There is a conclusion about specifics of comparisons in historical and artistic texts of T. Kerashev.

Keywords: T. Kerashev's prose, figural and significant means of the language, specifics of comparison.

Тембот Керашев – основоположник адыгейской художественной прозы. Изучение его произведений важно как для исследования истории развития адыгейского литературного языка, так и для определения роли писателя в этом процессе. Используя все богатства языка, автор создал новые способы художественного изображения, расширил возможности родного языка, обогатив его лексико-семантическими инновациями.

Сравнение, эпитеты, метафоры и другие тропы являются объектом изучения и языкознания, и литературоведения. Задачи лингвистического и литературоведческого изучения различны: исследование изобразительно-выразительных средств языка произведения помогает лингвисту понять роль слова как средства художественной изобразительности, понять индивидуальные особенности использования богатств общенационального языка. Языковед рассматривает сравнения, эпитеты, метафоры как семантическое явление, как особый случай переносного употребления слова. Литературовед, исследуя язык писателя, в частности, его выразительные средства, решает проблемы индивидуального стиля писателя, проблемы особенностей выражения художественной концепции автора. Академик Л. В. Щерба подчеркивал, что лингвистический анализ должны уметь делать и литературоведы, так как они не могут «довольствоваться интуицией и рассуждать об идеях литературного произведения, которые они, может быть, неправильно вычитали из текста» [10, с. 97].

В связи с этим исходные точки изучения изобразительно-выразительных средств языка произведений писателя для лингвиста и для литературоведа разные. Как отмечает академик

В. В. Виноградов, лингвист отправляется от анализа словесной ткани произведения, литературовед – от общественно-психологического понимания характера героев, идеи произведения [2, с. 24].

Одним из наиболее распространенных изобразительно-выразительных средств в языке исторических произведений Т. Керашева являются сравнения [3, с. 69]. Они придают тексту образность, меткость, доходчивость. Используя образные сравнения, автор достигает большей художественной выразительности, четкости, они «оживляют» контекст, придают новизну и оригинальность повествованию. Например: Шыужьыр, *пхъэтэкъэжъыр псым зэрэтесым фэдэу, онэгум ис* [7, с. 399]. «Опытный наездник чувствует себя в седле так же уверенно, как дерево на воде». Зэк1э итеплэ, *къэцпанэм фэдэу*, пагэу зэк1эп1ыяшъор къытеощтыгъэ [7, с. 427]. «Всем своим «ежистым» видом он походил на колючку». Лшым ы1эхуамбэхэр, *тыгъужъ жэпкъым фэдэу*, пытэу, к1оч1эшхоу шытын фае [7, с. 412]. «Пальцы у мужчины должны быть крепкими, как волчья пасть». *Цундыжъым фэдэу*, як1эк1о шлуц1эхэр пытэу зэк1оц1ыгъэчэрэгъуагъэу яуанэмэ яуч1эпхыгъэх [7, с. 409]. «Их черные, как вороны, бурки, туго свернутые, пристегнуты к седлам».

В структуре сравнений принято различать три компонента: субъект сравнения, объект сравнения (то, с чем сравнивается субъект) и признак – основание, на котором производится сравнение, т.е. общее у сравниваемых реалий [4, с. 124]. В соответствии с этим в произведениях Т. Керашева чаще встречаются полные, трехэлементные сравнения (субъект – объект – признак). Например: Ащ фэдизым Лаукъан штагъэу, *пыжъым фэдэу зиуцэрыхъагъэу*, къогъум къосыгъ [8, с. 490]. «Все это время Лаукан сидел в углу, свернувшись, как еж». Гъуч1ыпсэ игущы1э гыхэхэр, *шыхончыщэ фэдэу цэрыоу*, к1эмгумэ агу ифагъэу, язэхэш1ык1 къыгъэушыгъэ фэдэу хъугъэ [1, с. 507]. «Обвинительные слова Гучипса, меткие, как пули, вонзились в сердца темиргоевцев и разбудили их сознание». Тыгъэ нурэхэр сыдэу к1эрак1эу ык1и, *пчык1эм фэдэу дысыхэу*, шыдэгъура! [6, с. 439]. «Лучи солнца так здесь прелестны и резки, будто молния!»

Автор привлекает и так называемые неполные сравнения, в которых один из компонентов отсутствует: *Къэрэум фэдэу* псыгъо лъаг, лъэкъо к1ыхъ. Пшгъэ псыгъом шлосэу, пагэу гъэк1ыгъэу зэрихъэрэ ышгъыи нахъ псыгъо к1ыхъэу къеш1ы, *ыпэшхо бгъэжъыпэ*, ынэ нашхохэр къыщэт1ысык1ы [7, с. 482]. «Долговязый, как журавль. Заносчиво вскинутая голова, носимая на тонкой шее, вытянутое лицо с большим ястребиным носом, угрюмый взгляд серых глаз навывкате». Лшыжъ уп1ышк1угъэ ц1ык1у. *Пчэн жэк1э* псыгъоу къыпышрэ т1эк1ур ыжэпкъ шгуамбгъомэ цы п1ок1э ц1ырхъэу къялэлэхы, пкъынэк1э илагъэу гъожъышэ [1, с. 510]. «Сморщенный старичок. На подбородке и скулах желтеют выкрашенные хной пучки волос козлиной бородки».

Признак сравнения – третий член структуры – основание (сходство), на котором производится сравнение, может отсутствовать формально.

Часто слово, называющее признак в полном сравнении, автор ставит в препозицию к вспомогательному компоненту *фэдэу* «как / будто», перестраивая сравнение в неполное с распространенным объектом, выраженным субстативным словосочетанием, ср.: *аслъаным фэдэу губжыгъэу* «свирепый, как лев» – *аслъан губжыгъэм фэдэу* «как свирепый лев», *блэм фэдэу шлуц1эу* «черная, как змея» – *блэ шлуц1эм фэдэу* «как черная змея», *тыгъужым фэдэу бзаджэу* «страшный, как волк» – *тыгъужъ бзаджэм фэдэу* «как страшный волк». Соотношение субъекта сравнения с объектом порождает «комплекс неформленных ассоциаций» [5, с. 37] признаков субъекта с признаками объекта, который является одним из источников выразительности художественных сравнений.

Отмечая структурную неоднородность сравнений, Ю. А. Тхаркахо выделяет сравнения, выраженные одним словом, словосочетанием и целым предложением [5, с. 16]. Языку произведений Т. Керашева больше свойственны первые две группы: сравнения, выраженные словом и словосочетанием.

Автор выстраивает сравнения, выраженные одним словом без вспомогательного компонента: Хэгъуашъхъэм ц1ыфыр *бжъэпч1эу* лутыгъ [8, с. 477]. «На окраине аула людей – как пчел». А пц1эгъоплъыр джы къэуубытыжъын плъэк1ыщтэп. Ар шэп, *шэйтан* нахъ [8,

с. 484]. «Этого гнедого теперь не поймать. Это не конь, шайтан». Оркъхэр, цыфмэ захэтым, оркъ хэбзэ зак1эх, мэзым зыхэтым, *тыгъужьых* [9, с. 15]. «Урки среди людей – сама законность, а в лесу – волки». Примеры такого типа менее представлены в сопоставлении с другими, в которых сравнение-слово оформляется посредством вспомогательных слов *фэдэу, фэд* «будто, как»: Суанд, *мыжьосыным фэдэу*, ышьхьэ 1этыгъэу изакъоу пчэгум итыгъ [9, с. 75]. «Суанд, будто памятник, с гордо поднятой головой одна стояла в кругу». Джи пчэдыжъ къэси мы пкъэум *чэтыум фэдэу*, псынклэу удэчъаеу охъуфэ удэклъаеэз пшышт [7, с. 417]. «Теперь каждое утро будешь подниматься на этот столб, пока не научишься как кошка быстро взбегать на него». «Тэ *псычэтмэ тафэд*», – фидзыжьыгъ ащ Рэмэзан, – мыльку псы орым тыщесы, ау мылькур къытк1эрыпк1ахэрэп [8, с. 483]. «Мы как утки, – бросил он Рамазану, – плаваем в роскоши, а она не прилипает к нам». Вспомогательное слово *п1онэу* «похоже», функционирующее в адыгейском языке, почти не привлекается автором.

Из вышеперечисленных групп в произведениях Т. Керашева чаще встречаются сравнения, выраженные словосочетанием. Они представляют собой имя существительное с одним или несколькими зависимыми словами-определениями. Такие сравнения выполняют синтаксическую функцию обстоятельства. Например: Гугъап1эр, *пчык1э нэфынэм фэдэу*, Гулэз ыгу къыридагъ [7, с. 443]. «Надежда, будто яркая молния, засверкала в душе Гулэз». Гъэхунэу апэ къифэхэрэр, *алрэгъу къолэным фэдэу*, къэгъагъэм зэльиштагъэх [7, с. 399]. «Поляны, попадающиеся им на пути, как пестрый ковер, устланы цветами». Сурэ, бзыу *къолэн к1э рак1эм фэдэу*, мэз ч1эгъ мэзахэм къыч1эплъыгъ [8, с. 546]. «Сура, будто пестрая, яркая птичка, выглянула из-под лесной тьмы». А шхончэо мэкъэ чыжьэр мэзыр зэльызгъэджэ *шыблэ гъогъо мэкъэ шынагъоу* Сурэ ытхъак1умэ шылугъ [8, с. 541]. «Тот далекий выстрел раздался в ушах Суры как страшный грохот молнии, прокатившийся по всему лесу».

Реже встречаются сравнения в роли сказуемого, вводимые в предложение посредством вспомогательных слов *фэд/фэдиз* «похоже, подобно»: Джи Алэджыкъо итеплъи апэм фэдэу зыш1ош1ыжьэу, пагэу шытыжьыгъэп, *хьэ цтагъэм фэдагъ* [7, с. 437]. «Теперь вид Алэджуко не был заносчивым и гордым, он был похож на напуганную собаку». Л1ыр зэрэин дэдэр нахъ къыфэзыушыхъатыгъэр цокъит1оу ыбгъук1э шысыгъэр ары – *пхьэлэшэ цобзэ мыт1ырыш1у фэдизыгъэх* [1, с. 499]. «То, что мужчина гигантского роста, показывала его обувь, стоявшая рядом, – она была подобна крупным лемехам деревянной сохи». Сигнализатором сравнения в предложениях этой группы также являются вспомогательные слова *фэдэу/фэд* «похоже, подобно». В таком случае они становятся компонентом составного именного сказуемого: *хьэ цтагъэм фэдагъ* «похож на напуганную собаку», *пхьэлэшэ цобзэ мыт1ырыш1у фэдизыгъэх* «подобна крупным лемехам деревянной сохи».

Т. Керашев привлекает сравнения при описании окружающей среды: Удэклъае къэсми мыжьохэр нахъ ины мэхъух. *Унэм фэдизэу* мыжьошхохэр ахэт [6, с. 435]. «Чем выше поднимаешься в горы, огромные валуны становятся все больше. Есть такие большие, как дом». *Лэгъуп пльыгъэ хъурээшхоу* тыгъэр мэз чыжьэ нэзым къопсыхэщтыгъэ. Ызыныкъо къохъэгъахэу, ч1ыгум зынэсым маш1о к1идзагъэ фэдэу, ошъочапэр *хъакушэ маш1оу* къызэк1-игъэнагъ [9, с. 91]. «Как раскаленный медный таз, солнце заплывало за далекий лес. Огненный шар коснулся земли и, казалось, поджег землю – полнеба охватил пожар». Метрабэ зыкуогъэ псы 1ужьоу итыр, *пцэш1о псыхъом фэдэу*, ет1упшыгъэу, ау къэмыуальэу, ышьо зэмыльэу ечъэхы [6, с. 435]. «Глубокая в несколько метров река, будто свинцовая, неслась спокойно и стремительно, без всплеска, без чешуи ряби». Къеш1эк1ыгъэ бгы ш1уц1агъэхэр, к1ак1омэ *ак1оц1ыщыхъэгъэ иныжъ ныбжьыкъу фэдэхэу*, мэзахэм къегъэк1уатэхэшъ, хъураеу къыжэхэхэ фэдэх [6, с. 439]. «Вокруг черные очертания гор, словно укутанных в черные бурки немых великанов».

Сравнения являются средством описания внешнего вида героев, их действий, средством передачи их мыслей, переживаний, показа психологического мировосприятия действующих лиц: Пшьашъэм ынэгу джи, *мыжьоф чы1эм фэдэу*, к1ыфы. «Лицо девушки теперь бледное, как холодный камень». *Жъуагъомэ афэдэу* Зарэ халъагъоштыгъэр ынэгу нурэу къык1ихы-рэр арыгъэ [6, с. 462]. «Подобно звездам всеми воспринимались свет и теплота, исходящие

от лица Зары». Адыгэ цыешхьо члапцлэм ыпшъаплэ дарые сзе плъыжьыбзэр *мэшло тэпэу* къыдэустхъуклы [1, с. 502]. «Из-под воротника темно-синей черкески пылает рубашка огненного цвета». Бат-мырзэм ынэгу нэкъапакъ, *мылэрысэ зэлыагъэм фэдэу*, зэхэцлыцлагъэу луплъадж [1, с. 501]. «Лицо Бат-мирзы неприятное, помятое, словно сморщенное яблоко». *Чэтыуклэм фэдэу*, цы шъэбэ шлуцлэ тлэклу ыжэпкъ щытлыргъоштыгъэ [7, с. 432]. «Мягкий, черный пушок, будто шерсть котенка, обрамлял его подбородок». Гъучлыпсэ, *мышъэжъ губжыгъэм фэдэу*, хъаклэщым щыхъушлэу итыгъ [1, с. 507]. «Гучипс, как свирепый медведь, неукротимо бушевал в кунацкой». Кушыку изеклуакли джэгум ихэклыжьыкли агъэшлагъоу зэрэгъэгушылэр, *псышхо макъэу*, цыфэу зэхэтым ашъхъагъ рычъагъ [9, с.71]. «Взволнованный гул людей, удивленных поведением Кушука и его уходом со свадьбы, будто шум водопада, поднялся над толпой».

В произведениях писателя иногда встречается устойчивое авторское сравнение. Например, почти во всех исследуемых текстах при портретной характеристике главных действующих лиц автор образно сравнивает усы с черными изогнутыми рогами: Ыпаклэ *бжъэ шлуцлэ* псыгъоу лугъэщыкыгъ, жаклэр мыкырэу шъабэу мэтлыргъо [9, с. 8]. «Красиво вьются небольшие усики, как изогнутые рога, курчавится черная борода». (Лым) ыпаклэхэри, *псыцубжъэ шлуцлэу*, дахэу гъэщыгъэу – лы пкъышло-нэгушлу [7, с. 356]. «(У мужчины) усы, как черные рога, красиво вьются – статный, добродушный». Ыпэклитлуи мыины дэдэу, *бжъэ шлуцлэм фэдэу*, лугъэщыкыгъагъэх, – лыхъусэ дэхэклаеу щытыгъ [6, с. 445]. «С закрученными вьющимися усами, будто изогнутые, черные рога, он был красив суровой мужественной красотой». Къопцлэ гъучлышъоу, ыпэклитлу *тлыбжъэ шлуцлэу* гъэщыгъэу, ынэ нэху дэхитлуи зыгъэзэгъуаеу, лушыгъэр иплъакл [8, с. 478]. «(У него) крупное бронзовое лицо с туго подкрученными черными усами и тяжеловатым взглядом больших малоподвижных глаз».

Вывод: в результате проведенного анализа выявлено, что одним из самых распространенных изобразительно-выразительных средств в исторических произведениях Т. Керашева являются сравнения. Автор использует как полные, так и неполные сравнения; полные, трехэлементные сравнения привлекаются чаще. В структурном отношении языку произведений писателя свойственны сравнения-слова и сравнения-словосочетания, выраженные именем существительным с зависимым словом. Сравнения второго типа более частотны. В предложении они выполняют функцию обособленного обстоятельства или составного именного сказуемого. В текстах Т. Керашева сравнения используются при описании природы и внешности персонажей.

Литература

1. Керашев Т.М. Абадзехский охотник // Керашев Т.М. Избранные произведения. Т. 2. Майкоп, 1988. [Абдзэхэ шэкложьыр: *Клэрэцэ Т.* Ытхыгъэмэ ащыщхэр. Ятлонэрэ тхыль. Мыекъуапэ, 1988].
2. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959.
3. Гишев Н.Т. Стрoение языка новелл Т. Керашева // Альманах «Дружба». 1983. № 1. (на адыг. яз.) [Гъыщ Н.Т. *Клэрэцэ Т.* иновеллэмэ абзэ игъэпсыкI // Альм. «Зэкъошныгъ». 1983. №1].
4. Ефимов А.И. Стилистика русского языка. М.: Просвещ., 1969.
5. Тхаркахо Ю.А. Выразительные средства адыгейского языка. Майкоп, 1994 (на адыг. яз.) [Тхъаркъохо Ю.А. Адыгабзэм икъэгъэлъэгъоклэ амалхэр. Мыекъуапэ, 1994].
6. Керашев Т.М. Абрек // Керашев Т.М. Избранные произведения. Т. 1. Майкоп, 1987. [Хъаджрэт: *Клэрэцэ Т.* Ытхыгъэмэ ащыщхэр. Апэрэ тхыль. Мыекъуапэ, 1987].
7. Керашев Т.М. Дочь шапсугов // Керашев Т.М. Избранные произведения. Т. 2. Майкоп, 1988 [Шапсыгъэ пшъашъ: *Клэрэцэ Т.* Ытхыгъэмэ ащыщхэр. Ятлонэрэ тхыль. Мыекъуапэ, 1988].
8. Керашев Т.М. Местъ табунщика // Керашев Т.М. Избранные произведения. Т. 3. Майкоп, 1989 [Шахъомрэ пшъэшъэ пагэмрэ: *Клэрэцэ Т.* Ытхыгъэмэ ащыщхэр. Ящэнэрэ тхыль. Мыекъуапэ, 1989].

9. *Керашев Т.М.* Одинокий всадник // *Керашев Т.М.* Избранные произведения. Т. 2. Майкоп, 1988 [Шыу закъу: *К1эрэщэ Т.* Ытхыгъэмэ ащыщхэр. Ят1онэрэ тхыль. Мыекъуапэ, 1988].

10. *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. М.: 1957.

References

1. *Kerashev T.M.* Selected works. Vol. 2. The hunter of Abadzekh. Maykop, 1988.
2. *Vinogradov V.V.* On the language of the fiction literature. Moscow: Goslitizdat, 1959.
3. *Gishev N.T.* The language structure in T. Kerashev's novels // Almanac “Druzhba”. 1983. № 1 (in Adyg language).
4. *Ephimov A.I.* The stylistics of the Russian language. Moscow: Prosveshenye, 1969.
5. *Tharkakho Y.A.* of Adyg language. Maykop, 1994 (in Adyg language).
6. *Kerashev T.M.* Selected works. Vol. 1. Abreck. Maykop, 1987.
7. *Kerashev T.M.* Selected works. Vol. 2. The daughter of Shapsugs. Maykop, 1988.
8. *Kerashev T.M.* Selected works. Vol. 3. Revenge of the Herder. Maykop, 1989.
9. *Kerashev T.M.* Selected works. Vol. 2. The lone Rider. Maykop, 1988.
10. *Sherba L.V.* Selected works on the Russian Language. Moscow: Uchpedgiz, 1957.

УДК 801.52

Г. А. ГАСАНОВА

ОБРАЗНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ОТСУБСТАНТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ

Статья посвящена сопоставительному исследованию образных метафорических значений отсубстантивных прилагательных в даргинском и русском языках. В результате анализа метафорических связей производных признаков слов с их производящими выявлены некоторые особенности формирования образных значений в семантической структуре дериватов в сравниваемых языках.

Ключевые слова: даргинский язык, образное значение, метафора, производные прилагательные, русский язык.

UDC 801.52

G. A. GASANOVA

FIGURATIVE MEANING SUBSTANTIVE ADJECTIVES IN DARGIN LANGUAGE IN COMPARISON TO RUSSIAN

The article is devoted to the comparative study of figurative metaphorical meanings substantive adjectives in the Dargin and Russian languages. An analysis of the metaphorical connections derivatives attributive words with their generating revealed some peculiarities of figurative meaning in the semantic structure of the derivatives in the compared languages.

Keywords: Dargin language, figurative meaning, metaphor, derived adjectives, Russian.

Несмотря на большое количество работ, посвященных исследованию языковой природы переносных метафорических значений, остается малоизученным вопрос о возникновении образных значений в производных словах разных лексико-грамматических разрядов.

Сейчас является уже устоявшимся мнение о том, что семантическая связанность многозначных производных с их производящими базируется на конкретных лексических значениях производящих слов. В данном аспекте до сих пор изучались в основном прямые значения производящих и производных слов. В последние годы наблюдается повышенный интерес лингвистов к словообразовательному аспекту переносных значений [1, 2, 3].

Однако все сказанное выше можно отнести лишь к русскому языку.

Даргинский язык в семантическом плане изучен слабо. В данной области можно отметить лишь статьи М.-Ш.А. Исаева [4, 5], которые сам автор называет «первым шагом» в